

Милль Джон Стюарт

**Размышления о
представительном правлении**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Д42

Д42 **Джон Стюарт М.**
Размышления о представительном правлении / Милль Джон Стюарт – М.: Книга по Тре-
бованию, 2024. – 384 с.

ISBN 978-5-519-96539-2

ISBN 978-5-519-96539-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

РАЗМЫШЛЕНИЯ

О

ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОМЪ ПРАВЛЕНІИ.

ГЛАВА I.

Въ какой мѣрѣ правительственныя формы могутъ быть предметомъ выбора.

Всеѣ размышленія о формахъ правленія носятъ на себѣ болѣе или менѣе исключительный отпечатокъ двухъ противоположныхъ теорій политическаго устройства, или лучше сказать двухъ противоположныхъ представленій о томъ, что такое политическія учрежденія.

Нѣкоторые понимаютъ правленіе чисто практически, какъ искусство, не поднимающее никакихъ вопросовъ, кромѣ вопросовъ о цѣли и средствахъ. Правительственныя формы являются средствомъ, какъ всякое другое, для достиженія человѣческихъ цѣлей; на нихъ смотрятъ, какъ на дѣло человѣческой изобрѣтательности. Такъ какъ онѣ созданы человѣкомъ, то и предполагается, что человѣку предоставленъ выборъ создавать ихъ или нѣтъ, и какъ, на какой образецъ ихъ создавать. При такомъ взглядѣ

правленіе есть *задача*, которая рѣшается какъ всякое другое *жизнейское* дѣло. Прежде всего слѣдуетъ опредѣлить цѣли, къ которымъ должны стремиться правительства; потомъ разсмотрѣть, какая правительственная форма въ состояніи осуществить эти цѣли. Когда мы пришли къ вѣрнымъ заключеніямъ относительно этихъ двухъ пунктовъ и нашли форму правленія, соединяющую самую большую долю добра съ самой малой долей зла, тогда останется склонить своихъ согражданъ, или тѣхъ, для кого тѣ учрежденія назначены, къ сочувствію мнѣнію, до котораго мы дошли своимъ путемъ. Найти лучшую форму правленія, увѣрить другихъ, что она дѣйствительно лучшая и потомъ побудить ихъ къ ея осуществленію—вотъ порядокъ идей въ умахъ тѣхъ, кто держится этого взгляда въ политической философіи. На конституцію они смотрятъ такъ, какъ смотрѣли бы на паровой плугъ или молотильную машину,—вся разница въ степени интереса.

Имъ противоположенъ другой родъ политическихъ мыслителей, которые до того далеки отъ сопоставленія формы правленія съ машиной, что на первую они смотрятъ какъ на естественный продуктъ, а на правительственную науку какъ на отрасль естествознанія. По ихъ мнѣнію правительственныя формы не могутъ быть предметомъ выбора. Такъ или иначе мы должны брать ихъ, какими находимъ. Правительства не могутъ быть построены по предвзятому плану; онѣ «не дѣлаются, но растутъ». Наше дѣло по отношенію къ нимъ, какъ ко всѣмъ фактамъ естественнаго міра, состоитъ въ томъ, чтобы познакомиться съ ихъ природными свойствами и приспособиться къ нимъ. На основныя политическія учрежденія народа эта школа смотритъ какъ на органическій плодъ природы и жизни та-

кого-то народа, какъ на продуктъ ихъ обычаевъ, инстинктовъ, бессознательныхъ потребностей и желаній, всего менѣе ихъ сознательныхъ стремленій. Воля здѣсь на столько принимаетъ участіе, на сколько она удовлетворяетъ нуждамъ минуты средствами минуты; если онѣ бываютъ согласны съ чувствами и характеромъ народа, то держатся прочно и такимъ образомъ, путемъ постепенной агрегаціи, создается политическая система, совершенно приспособленная къ народу, обладающему ею, но которую было-бы бесполезно навязывать націи, гдѣ природа и обстоятельства не выработали ее сама собою.

Трудно рѣшить какое изъ двухъ ученій было-бы лучше, если предположить что кто нибудь захотѣлъ держаться исключительно той или другой теоріи. Но начала, которыя люди проповѣдуютъ по поводу какого-либо спорнаго предмета, бываютъ обыкновенно весьма неполнымъ выраженіемъ ихъ настоящихъ убѣжденій. Никто не вѣритъ, что великій народъ способенъ создать всякаго рода учрежденіе. Какъ далеко не проводить аналогіи механическихъ производствъ, но даже и здѣсь выборъ между деревяннымъ или желѣзнымъ инструментомъ опредѣляется не тѣмъ только, что такой-то инструментъ самъ по себѣ лучше; принимается во вниманіе, соединяетъ ли онъ въ себѣ другія качества, необходимыя для его выгоднаго употребленія, и въ особенности имѣютъ-ли тѣ люди, которые станутъ употреблять его въ дѣло, достаточно знанія и умѣнья обходиться съ нимъ. Съ другой стороны тѣ, которые говорятъ объ учрежденіяхъ, какъ своего рода живыхъ организамахъ, вовсе не такіе политическіе фаталисты, за какихъ они выдаютъ себя. Они не предполагаютъ, чтобъ у человѣчества не было никакого выбора относи-

тельно формы правленія, при которой ему приходится жить, чтобъ разсмотрѣніе послѣдствій, вытекающихъ изъ различныхъ формъ правленія, не участвовало въ выборѣ. Не смотря на то, что каждая изъ двухъ сторонъ доводитъ свою теорію до крайностей изъ противорѣчія другой, не смотря на то, что никто не держится той или другой безъ ограниченія, обѣ доктрины соотвѣтствуютъ коренному различію двухъ направленій мысли; и хотя очевидно, что ни одна изъ нихъ не права совершенно,—равно очевидно что ни одна не находится въ полномъ заблужденіи, и мы постараемся вникнуть въ то, что лежитъ въ основаніи каждой изъ нихъ, чтобъ воспользоваться тою долей истины, какая существуетъ въ ней.

Вспомнимъ прежде всего, что политическія учрежденія (какъ не забывается по временамъ эта истина), дѣло людей и одолжены своимъ происхожденіемъ и существованіемъ человѣческому произволу. Люди, проснувшись въ одно прекрасное утро, не нашли ихъ внезапно выросшими. Онѣ не походятъ и на деревья, которыя, разъ посаженные, *«всегда растутъ»* между тѣмъ какъ люди *«спятъ»*. Ихъ создаетъ такимъ, какимъ онѣ есть, во всякую пору ихъ существованія, свободная воля человѣка. Поэтому, какъ все, что дѣлаютъ люди, и онѣ могутъ быть хорошо или дурно созданы; разумъ и искусство могли быть употреблены на созданіе ихъ, или вовсе не употреблены. Наконецъ, если народъ не успѣлъ, или вслѣдствіе вѣшняго давленія, не имѣлъ возможности создать себѣ конституцію постепеннымъ процессомъ исправленія всякаго зла, по-мѣрѣ того, какъ оно проявилось, или по мѣрѣ того, какъ угнетенные набирались силы противодѣйствовать ему, такое замедленіе политическаго прогресса было безъ сомнѣнія большимъ для него

несчастьемъ; но это еще не доказываетъ, чтобы то, что оказалось хорошимъ для другихъ, не было хорошо и для него, и не будетъ хорошо, когда онъ найдетъ нужнымъ къ нему обратиться.

Съ другой стороны слѣдуетъ также помнить, что политическій механизмъ не дѣйствуетъ самъ собою. Онъ какъ дѣлается людьми, такъ и работаетъ при помощи людей и даже очень обыкновенныхъ. Онъ требуетъ не только простаго допущенія, но дѣятельнаго содѣйствія, и долженъ быть припаровленъ къ способностямъ и качествамъ людей, въ данную минуту. Это предполагаетъ три условія: народъ, для котораго форма правленія предназначена, долженъ желать принять ее, и если не желать, то по крайней мѣрѣ не оказывать непреодолимыхъ препятствій ея установленію. Онъ долженъ имѣть охоту и способность дѣлать все нужное для ея поддержанія. Онъ долженъ имѣть охоту и способность дѣлать все, что потребуется отъ него, чтобы дать ей возможность достигнуть своего назначенія. Слово «дѣлать» должно быть понято такъ, что въ немъ содержится какъ самое дѣло, такъ и воздержаніе отъ него. Народъ долженъ быть способенъ выполнить условія дѣятельности и условія воздержанія, равно необходимыя какъ для того, чтобы поддержать существующую политическую систему, такъ и для того, чтобы сдѣлать ее способной достигнуть своихъ цѣлей, такъ какъ способность достиженія составляетъ ея силу.

Недостатокъ какого-нибудь изъ этихъ условій дѣлаетъ форму правленія, какія бы благоприятныя надежды она не подавала, въ частномъ случаѣ совершенно не приложимою.

Первое препятствіе, отвращеніе народа отъ какой-ни-

будь формы правленія, не требуетъ особыхъ объясненій, потому что даже въ теоріи его никогда нельзя было обойти. Случаи встрѣчаются постоянно. Только чужая сила могла побудить племя сѣверо-американскихъ Индейцевъ подчиниться стѣснительнымъ условіямъ правильной цивилизованной правительственной системы. Тоже самое можно-бы сказать, хотя не такъ рѣшительно, о варварахъ нашедшихъ на Римскую имперію. Потребны были цѣлыя столѣтія и совершенная перемѣна обстоятельствъ, чтобы привести ихъ въ правильное повиновеніе даже ихъ собственнымъ вождямъ, въ то время, когда они не были подъ ихъ знаменами. Есть націи, которыя не охотно подчиняются какому-нибудь правительству, кромѣ правленія нѣкоторыхъ фамилій, съ незапамятныхъ временъ пользующихся привилегій поставлять имъ начальниковъ. Другіе народы только иностранное завоеваніе можетъ принудить жить подъ монархическимъ началомъ; иные же—равно противятся республикѣ. Иногда препятствія состоятъ въ неприложимости системы въ извѣстное время.

Но бываютъ и *другіе* случаи, когда народъ, и не противящійся извѣстной формѣ правленія, и даже желающій ее, можетъ не хотѣть, или не быть способнымъ выполнить ея условія. Онъ можетъ быть неспособнымъ выполнить даже такія условія, которыя необходимы для одного номинальнаго существованія правленія. Такъ, народъ можетъ предпочитать свободное правленіе, но если вслѣдствіе безпечности, беззаботности, трусости или недостатка гражданскаго духа онъ не способенъ къ усиліямъ, необходимымъ для его сохраненія; если онъ не станетъ бороться за него, когда на него прямо нападаютъ; если его можно обмануть хитростями, направленными къ тому,

чтобъ лишить его этого правленія, или, если вслѣдствіе минутнаго упадка духа, внезапнаго страха, или припадка энтузіазма къ какому-нибудь лицу, онъ можетъ быть побужденъ сложить свою свободу къ ногамъ хотя бы и великаго человѣка, или ввѣрить ему полную власть, которая-бы дала ему возможность ниспровергнуть его учрежденія;—во всѣхъ этихъ случаяхъ народъ болѣе или менѣе неспособенъ къ свободѣ; и хотя на короткое время она могла-бы послужить ему на пользу, невѣроятно однакожъ чтобъ онъ могъ долго пользоваться ею.

Съ другой стороны народъ можетъ не желать и быть неспособнымъ выполнить тѣ обязанности, которыя налагаетъ на него извѣстная форма правленія. Грубый народъ, хотя до нѣкоторой степени воспримчивый къ преимуществамъ цивилизованнаго общества, можетъ быть неспособнымъ къ воздержности, которую оно требуетъ; его страсти могутъ быть слишкомъ необузданны, его личная гордость слишкомъ взыскательна, чтобъ избѣгнуть частныхъ столкновений и предоставить законамъ наказаніе его дѣйствительныхъ или воображаемыхъ проступковъ. Въ подобномъ случаѣ цивилизованное правленіе, чтобы оно могло приносить ему дѣйствительную пользу, должно быть въ значительной мѣрѣ деспотическимъ; такимъ, надъ которымъ народъ не имѣлъ-бы контроля и которое въ значительной мѣрѣ стѣсняло-бы его дѣйствія.

Далѣе, долженъ считаться неспособнымъ къ какой-либо другой свободѣ, кромѣ ограниченной, всякій народъ, который въ преслѣдованіи преступниковъ не содѣйствуетъ по собственной волѣ закону и общественнымъ властямъ. Народъ, который болѣе склоненъ скрыть преступника, чѣмъ схватить его, который, подобно Индусу, скорѣе готовъ дать ложное

свидѣтельство, чтобъ спасти человѣка, его ограбившаго, чѣмъ показать на него и тѣмъ причинить себѣ безпокойство, возбудивъ его мщеніе; народъ, гдѣ, какъ у многихъ европейскихъ націй до настоящаго времени, когда кто-нибудь убьетъ другаго на улицѣ—зрители сторонятся, потому что это подлежитъ вѣденію полиціи, и что лучше не мѣшаться въ чужія дѣла; народъ, который негодуетъ на казнь, но спокойно смотритъ на убійство:—такой народъ требуетъ общественныхъ властей съ болѣе обширнымъ правомъ кары, потому что имъ только могутъ быть гарантированы самыя необходимыя требованія цивилизованной жизни. Такое жалкое состояніе общественнаго чувства у какого-либо народа, вышедшаго изъ состоянія дикости, обыкновенно бываетъ несомнѣннымъ слѣдствіемъ предшествовавшаго дурнаго правленія, которое пріучило людей смотрѣть на законъ, какъ на созданный для какихъ-то другихъ цѣлей, чѣмъ для цѣлей блага, а на его служителей, какъ на болѣе опасныхъ враговъ, чѣмъ открыто нарушающихъ его. Какъ не мало заслуживаютъ порицанія выросшія въ такихъ привычкахъ чувства, хотя такія привычки и устраняются подъ конецъ хорошимъ правленіемъ, но пока онѣ существуютъ въ народѣ, онъ не можетъ управляться съ *такимъ* малымъ вмѣшательствомъ власти, какъ народъ, котораго симпатія стоятъ на сторонѣ закона и который готовъ дѣятельно содѣйствовать его приложенію.

Наконецъ основныя законы представительства могутъ иногда имѣть очень мало значенія, могутъ быть простымъ орудіемъ тираніи или козней, когда большинство избирателей не достаточно заинтересовано въ ихъ собственномъ правленіи, чтобы подавать голосъ; или, если и подаетъ, но когда этотъ голосъ не служитъ обществу, а продается за

деньги, или послушенствование какому-нибудь лицу, власть над ними имѣющаго, или котораго они хотятъ поддержать изъ личныхъ интересовъ. Такого рода народное представительство, вмѣсто того, чтобъ быть ручательствомъ противъ дурнаго правленія, бываетъ только пружиной въ его механизмѣ.—Помимо такого рода нравственныхъ сомнѣній часто механическія трудности полагаютъ непреодолимые препятствія установленію правительственныхъ формъ. Хотя въ древнемъ мірѣ могла существовать и дѣйствительно существовала большая личная независимость, но въ немъ не было ничего похожаго на правильное народное правленіе, чтобы переходило границы одной городской общины, потому что физическія условія, необходимыя для склада и распространенія общественнаго мнѣнія, встрѣчались только у тѣхъ, которые могли быть собраны на одной агорѣ для разсужденія объ общественныхъ дѣлахъ. Вообще думаютъ, что это препятствіе уничтожается принятіемъ представительной системы. Но чтобы совершенно побѣдить его, необходима пресса и именно, газетная пресса, единственная, если и не во всѣхъ отношеніяхъ соотвѣтствующая, замѣна *пникса* и *форума*. Существовали такія общественныя условія, при которыхъ даже монархія нѣсколько обширнаго объема не могла держаться, но неминуемо распадалась на мелкія владѣнія, совершенно независимыя другъ отъ друга, или соединенныя между собою слабою связью феодальныхъ отношеній; это потому, что механизмъ власти не былъ достаточно совершененъ, чтобы приводить въ исполненіе приказы на большемъ растояніи отъ повелѣвающаго лица. Даже повиновеніе арміи этому лицу зависитъ главнымъ образомъ отъ произвольной вѣрности, и не было средствъ заставить народъ платить сумму податей, достаточную на

содержаніе войска, какое необходимо для того, чтобъ держать въ покорности обширную область. Въ такихъ и подобныхъ случаяхъ само собою разумѣется, что сумма препятствій можетъ быть сильнѣе или слабѣе. Она можетъ быть такъ велика, что вслѣдствіе этого правительственная система дурно дѣйствуетъ, что еще не исключаетъ ея возможности, ни ея предпочтительности всякой другой, въ данномъ случаѣ. Послѣдній вопросъ связанъ главнымъ образомъ съ однимъ условіемъ, къ разсмотрѣнію котораго мы еще не пришли: съ вопросомъ о способности различныхъ формъ правленія содѣйствовать прогрессу.

Мы разсмотрѣли теперь три основныя условія соотвѣтственности между правительственными формами и народомъ, который долженъ ими управляться. Если приверженцы этой теоріи, которую можно назвать натуралистическою, ничего другаго не имѣютъ въ виду, какъ только указать на необходимость этихъ трехъ условій; если они думаютъ, что никакое правленіе не можетъ долго существовать, если только не выполнены первое и второе условіе и въ значительной мѣрѣ и третье,—въ *такихъ* границахъ ихъ теорія не допускаетъ возраженій. Если же они предполагаютъ что нибудь другое, *большее*, то теорія ихъ кажется мнѣ несостоятельною. Все, что намъ говорятъ о необходимости исторической основы государственныхъ учреждений, объ ихъ необходимой сообразности съ народными нравами, народнымъ характеромъ и т. п. означаетъ или это, или ничего не означаетъ. Въ такихъ и тому подобныхъ фразахъ лежитъ большая доля сентиментальности, если онѣ должны означать что нибудь другое и болѣе широкое, кромѣ разумнаго лежащаго въ нихъ смысла. Съ точки зрѣнія практической, указанныя требованія отъ политическихъ